

@любовь

юля лемеш

УБИТЬ ЭМО

ЛЕТО БЕЗ СТАСИ

Москва
«АСТ»
Санкт-Петербург
«Астрель-СПб»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6
Л44

Серия «@любовь»
Оформление серии: *М. А. Акинина*

Лемеш, Ю.
Л44 Убить эмо. Лето без Стаси / Ю. Лемеш— М.: АСТ;
СПб.: Астрель-СПб, 2010.— 348, [3] с. (@любовь).

ISBN 5-17-045638-3 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9725-1741-1 (ООО «Астрель-СПб»)

В новой книге Юли Лемеш вы снова встретитесь с любимыми героями из «Убить эмо». Они стали чуточку старше, но не потеряли своей безбашенности, обаяния, задора и детской незащищенности. Они — всё те же подростки со своими радостями и трагедиями, любовью, конфликтами, поисками своего «Я» и своего места в жизни. Это так просто — знать, как должны вести себя окружающие и особенно — взрослые. И так сложно принимать собственные решения, строить свою жизнь и стараться быть счастливым, даже когда хочется плакать!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6

Подписано в печать с готовых диапозитивов.
Формат 70 x 100 ¹/₃₂. Усл. печ. л. 14,19.
Тираж Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 1; 953000 — книги, брошюры
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953. Д.012280.10.09. от 20.10.2009 г.

© Ю. Лемеш, 2010
© ООО «Астрель-СПб», 2010

Посланники — те, кого послали.

Сурикат

Я врач по призванию. Когда
меня призывают, я — врач.

Танго

Глава 1

Как правильно хоронить кеды

Со смерти Стаси прошло много времени. Кеды дважды сдохли. В смысле — за это время сдохли две пары кедосов. Последние были красными в черную клетку. Удобные футляры для ног. Сбоку цепочки. Жаль, качество такое дерьмовое. Куда подевались вещи-долгожители?

Скажут — кто про что, а эта дура все про кеды.

Да, я дура. И самая моя большая дурасть — книжка. В которой я своими руками убила хорошего человека.

Стаси нет. А я — есть. И никуда не исчезли те, кто был вместе со Стасей. То есть с той частью меня, которая и была Стасей. Теперь сами видите — какая я дура. Убила часть себя и мучаюсь. Хотя миру от моих мучений ни холодно ни жарко.

— Жаль, что позеры все испортили, — сочувственно поглядывая на меня, сказал Танго.

Он прав — жаль. Мне нравилась наша особенная одежда. Правда. Когда нас было мало, было так приятно увидеть в толпе кого-то похожего на меня. Иногда мы

знакомились. Иногда просто улыбались друг другу. Иногда я нарывалась на настороженный, полный ненависти взгляд. Всякое было.

А теперь улицы заполонили позеры. Но я не злюсь на них. Пускай порадуются, как умеют. Любая радость — это здорово. Даже если она вызвана парой значков и только что купленными кедами.

Кстати, о кедах. Конкретно эти было немного жаль. Мы вместе пережили немало разных событий. Поэтому именно они показались мне неподходящими для мусорки.

Жаль выбрасывать? Да не вопрос!

На такие случаи существуют дебилные ритуальные услуги. И я по привычке похоронила кеды на кладбище. Которое мы сами придумали. Оно на окраине парка находится. Там, где раньше собачек и кошек хоронили. Потом власти запретили это дело. Там мамы с детьми гуляют. Идут по дорожке, а вдоль нее веночки, любимые собачьи-кошачьи игрушки. Даже памятники с умильными фотографиями.

Не знаю как детям, а мамам активно не нравилось гулять мимо мертвых животных. И они куда-то пожаловались. Стихийное кладбище сровняли с землей. Травку посеяли. Все рады. Кроме животноводов.

Танго умный. Он моментально сообразил: если вернуться за кусты и пройти совсем немного — там полянка отличная. Даже не засиженная алкашами. Уютная такая. Сурикат, подло ухмыляясь, уточнил, что гениальная идея шибанула Танго, когда он собрался на этой полянке пописать. Но дело не в этом. Танго предложил, а нам понравилась мысль организовать свое собственное место для упокоения символов счастья.

Вещи — это те же воспоминания. Иногда они целый жизненный этап. Они стоят уважения после смерти.

— Меня не греет слово «кладбище», — всерьез размышлял Танго. — «Некрополь» звучит гораздо бодрее.

— Хрен редьки не слаще. Что погост, что могильник. Может, лучше назовем его гробницей? — Мнение Суриката проигнорировали.

Танго прав — звучание слова тоже имеет значение. Даже в таком странном деле.

Сначала некрополь был только наш. Потом в силу своего характера Вайпер проболтался. Он по строжайшему секрету рассказывал новым знакомым девушкам про такое замечательное тайное место. Даже клятву брал о неразглашении. Как всегда цену себе набивал. Хотел понравиться.

На какое-то время его монологи срабатывают. Не надолго. Он все-таки не очень красивый. Ему гораздо труднее, чем Танго и Сурикату, обзавестись любимым человеком. Хотя вот в чем загвоздка — ни Танго, ни Сурикат не стремятся в отличие от Вайпера к прочным постоянным отношениям. Вайпер борется за цель, которая его друзьям достается на халяву. Приходится ему все средства пускать в дело. Он даже подвирает иногда. Не так, как Сурикат. Тот врёт и не краснеет, но девушкам это кажется смешным и забавным. Его даже один раз остроумцем обозвали.

В общем, по вине Вайпера тайна перестала быть нашей.

Знакомые и незнакомые нам неформалы носят теперь на кладбище по имени «некрополь» свои погребные вещи.

Кто, уходя из эмо, хоронит значки. Кто торжественно зарывает дневники. Предварительно кремируя. По-

тому что какие-то гадкие придурки поначалу их откапывали и развлекались прочтением под пиво. Гоготали на весь парк. Пока Танго с Сурикатом не провели показательную акцию устрашения. Они не одни были. С друзьями. Даже Кирилл поучаствовал. А Вайпера не взяли. И он потом из-за этого жутко развопился.

— Ничего криминального. Так, поразмялись слегка, — намазывая фингал лечебной мазью, хвастался Сурикат.

— Всех не отбуцкаешь, — заклеивая пластырем рану на лбу, уточнил Танго. — Дневники проще сжигать.

Теперь в земле только пепел. Его никто не прочтет и не посмеется над наивными детскими откровениями.

Моего мнения никто не спросил. Я бы с удовольствием лет через десять прочитала написанное сегодня. Пусть даже будет смешно. Но остальные предпочитают делать прошлому обрезание. Фигак — и пара лет судьбы в костер. Только дым и пепел.

Но обувь палить неэкологично. Фиг знает, из какого дерьма она состряпана. Мы противники порчи атмосферы.

Взяв кеды за шнурки, я в последний раз убедилась в их кончине.

Проникшись моими переживаниями, Танго вырыл яму. Я опустила туда свои клетчатые воспоминания. А он швырнул сверху собственное потрепанное драповое полупальто. Испортив грусть момента фразой: «Чтоб навеки сдохла эта моль». Моль выбралась из кармана и металась в поисках спасения.

— Бабочку убили. — Сурикат, сооротив рожу плаксивого клоуна, кинул первую горсть земли.

А потом долго оттирал руки о траву. Чище они не стали.

Лопату таскать с собой глупо, поэтому мы прячем ее в кустах. Предыдущую сперла какая-то скопидомная зараза. Наверняка уже огород свой ею рыхлит. Чтоб ей картошку жук колорадский поел!

— Пора памятник соорудить, — сощутив глаз, заметил Танго.

Мне иногда видится постамент, на котором можно поставить гранитное разбитое сердце.

— Слишком пафосно, — утверждает Сурикат.

— И тупо, — соглашается Танго.

— И дорого, — добавляет Сурикат.

— Памятник дорогой тупости, — суммирую я.

— Неа. Тупой дороговизне.

— Лучше сделаем из цемента голову, с челкой и глазом, — неожиданно заявил Сурикат.

Посмотрев на его скромно показанный эскиз, мы неприлично смеемся. На листке бумаги начеркан карандашом одноглазый волосатый глобус.

— Такое только на Хэллоуин покатит, — приговорил безжалостный Танго.

— Ни фига он на тыкву не похож, — Сурикат обиделся, что для него нетипично.

Сурикат редкий тип. Возможно, он — отдельная этическая группа. И не из одного представителя. По слухам, таких, как он, штук сто на всю страну. Их в Красную книгу занести надо.

Отложив проект памятника до лучших времен, мы вдумчиво послушали «Animal jazz» — «Не умрем». Мы не умрем. Грустно, однако. Все знают, что умрут. Во всяком случае, те, кто ни во что не верит. А те, кто верит, не сомневаются в смерти тела. И в редких случаях беспокоятся о потере такой важной субстанции, как

душа. Которая умеет болеть, гореть огнем, радоваться и грустить, даже плакать. Душа — крайне эмоциональная сущность. Для нее эмоции важнее важного.

— Все путем,— многозначительно постановил Сурикат.

Выпили по глотку минералки за светлую память кедов и пальто. Сфотографировались напоследок. На фоне несуществующего монумента. Который Сурикат потом непременно слепит при помощи фотожабы.

Вайпера с нами не было. Он опоздал и, судя по звонку, поджидал нас в кафе. Наверняка загруженный новыми дурацкими идеями по самую макушку.

В этот раз нападки Вайпера касались моей персоны.

— Фетишистка. Сейчас нельзя носить хоть одну шмотку эмовскую. А ты,— его палец указывал на меня,— попрешься покупать новые кеды.

— И что с того? — отбивалась я.

— Суррогаты!

— Эй, меня попрошу не трогать! — не на шутку разозлился Сурикат.

— К доктору. Уши прочисть. Я сказал «суррогаты», а не Сурикаты.

— А к чему ты это слово сказал? — Танго перестал скучать.

— Ничего натурального у нас нет. Сплошной эрзац.

— Ты по-русски выразаться можешь?

— Еще один дурацкий вопрос — и я так выжусь, уши завянут,— Вайпер нахохлился.

Минутная пауза. Успели сделать по глотку зеленого чая. Его тут чайниками продают. Очень удобно. И пироги тут вкуснющие. С разными начинками. На любой вкус. Мне с вареньем нравятся. А Танго предпочитает с

рыбой. Я не люблю, как он потом пахнет. Но мне с ним не целоваться. И еще — кафе мне нравится из-за чудесных рисунков на стеклах окон.

— Вот докопался! Я дожила до своих лет без чужих советов. И вообще, мне кажется — мы не эмо...

— Ага. Еще скажи, что мы инди! — резко возразил Вайпер.

— И не инди. Мы — сами по себе. Было бы нас побольше — обозвались бы субкультурой.

— И как она называется? — ехидничал Вайпер.

— Ты умный. Ты и придумывай.

Танго встал и торжественно обошел вокруг нас. Сел обратно.

— Я — против! Он,— кивок в сторону встревоженного Вайпера,— сейчас придумает нам название. То есть навесит ярлык. Я против ярлыков! Быть может, мы и есть те самые последние герои.

Все крепко задумались. Насчет сказанного Танго. На последних вроде как похожи, а на героев? Тут сразу не сообразить.

За соседним столиком сидела тетка лет сорока. Сильно задумчивая. И с треском лушила багровый лак с ногтей. Мне стало противно.

— Мадам, ваши когти пикируют на наш столик. И вызывают приступ рвоты,— громко заявил Сурикат.

Ей по фигу. Взрослым вообще по фигу замечания подростков. Если только нет желания полаяться в ответ.

— Мадам, если вы не прекратите, я блевану вам в сумочку.— Сурикат оказался на рискованном расстоянии от тетки.

Огрызок лака почти срикошетил ему в глаз. Сурикат взвыл на высокой ноте и прикрыл лицо. Так, словно глаз сейчас вытечет. Он прилег на тетку, делая вид,

что ничего не видит. И рыдал. Как подраненный мамонт. Тетка вцепилась одной рукой в его шею. Развернула и дала внушительного пинка под зад. Сурикат как подкошенный рухнул на стул, потом вскочил и боднул тетку головой в живот.

— Пора сматываться,— флегматично решил Танго, но не сдвинулся с места.

Сурикат метался по полупустому кафе, лавируя между столиков и издавая неприличные звуки. Тетка стояла неподвижно, наблюдая за его передвижениями и маниакально доковыривая лак с большого пальца.

— Скучновато стало,— сказал Танго.

Желая добавить веселья, он изловчился и вылил тетке в карман немного чая. Больше в ее чашке не оказалось.

— Мадам, примите мои соболезнования — вы описались! — обрадовался внезапно прозревший Сурикат.

Когда в дело вмешалась администрация, мы чинно сидели за столиком. На котором было много не съеденного и не выпитого. На столике тетки — россыпь лака с ногтей. Нас не выгнали, а она сама ушла. Матерясь, как пьяный боцман.

— Вот взрослые пошли! Никакого уважения к младшему поколению,— потирая ушибленный зад, проворчал Сурикат.

На Вайпера битва не произвела никакого впечатления. Он одержим свежей мыслью. Пока не выговорится — лучше жевать пироги и молчать.

— Везде фальшивки... — сумрачно утверждал он.

— Подделки, заменители, аналоги, вариации на тему, клоны, мутанты, обманки, подделки, стразы вместо алмазов,— невозмутимо продолжил Танго.— А ты против чего сегодня борешься?

— Тема такая. Эмо выродились...

— Говно тема. Это мы уже сто раз слышали.

— Ты хоть раз можешь промолчать, пока я говорю?

Сурикат сделал вид, что зашивает себе рот.

— Она купит кеды. И все решат, что она — педовка. И будут правы. Теперь в кедах ходят только махровые педовки.

— Они удобные,— повторяю я.

— Кто? Педовки?! — громче необходимого воскликнул пораженный Вайпер.

На нас уже неодобрительно оглядывались. Если так будет продолжаться, нам перестанут радоваться как желанным посетителям.

— Вайпереныш, веди себя прилично, детка,— укорил друга Танго.— Каждый десятый в этом городе хоть раз был в кедах.

— Не утрируй!

— Ну, если задуматься — каждый второй.

— Она не каждый второй. Она обязана понимать. Потерпи. Носи туфли, кроссовки, ботинки,— глядя мне в глаза, внушал наш идеолог.

— Валенки — верх патриотизма,— пропищал Сурикат уголком рта.

— Герр Шнайдер, чай стынет,— напомнил Танго.

Мнение Вайпера было выслушано и принято к сведению.

Я подумала. Купила гибрид мягких ботинок и мокасинов. Я внушаемая. Меня так легко убедить.

На следующий день подумала — какого черта! И купила подходящие кеды. Я консервативная. В смысле — ноги привыкли к определенной обуви.

И еще — стало гадко от мысли, что Вайпер и какие-то выдуманные педовки могут влиять на мое мнение.

Меня жутко бесит, когда кого-то обзывают. Кто вправе придумывать пакостные «признаки» и «правила» для педовок? Кто вообще решил, что он вправе над кем-то издеваться? Пусть даже словесно. Особенно меня бесит критика в отношении цены вопроса. Типа, если ты в корсете за десять тыщ — круто, а херке и за шестьсот рубликов сойдет китайская хренота.

Оглядываясь на обувь пешеходов, я пришла к выводу: Вайпер — идиот. Теперь в кедах ходят и наши, и ваши.

Позвонил Танго. Он где-то поблизости. Ему нужно срочно со мной поговорить.

Иду к нему. Рассматриваю окрестности.

На водосточной трубе приклеено объявление. Над текстом конкретное лицо кавказской национальности. Снимок такого качества, что ожидаешь надписи: «Его разыскивает милиция». Но вместо этого напечатано: «Света он тебя любит». Блин. Прошла до следующей трубы — еще одно. Только тут любят Наташу. Надо было лицо запомнить. Хотя для меня они все похожие.

Танго ждал меня в дурно пахнущей комиссионке. Рассматривая с видом знатока груды дрянноватых валенок, которыми совсем недавно обедала прожорливая моль. Мало ему своих вредителей. Стоит, на чужих любитесь.

— По дешевке отдают.

— Лишь бы забрали, — тихий голос продавца прозвучал издалека как шепот привидения.

— Тогда скидку давайте! Перед вами реальный ценитель рухляди. А по совместительству — валеночный

коллекционер. Это вам не здесь! — неожиданно закончил он свою тираду.

— Может, оно неэстетично, зато дешево, надежно и практично, — внес свою лепту в беседу случайный дяденька.

— Наверняка родич Суриката, — отметил Танго и продолжил торговаться как бабка на базаре.

— Лапти созрели,

Валенки поспели.

Что же вы зеваете,

Их не обрываете, — посторонний дяденька удивил нас стихом, почесал бороду и замер в ожидании нашей реакции.

— Реально, он — наш человек.

— А по-моему, у него завелся внук. И он читает ему книжки, — догадалась я.

— Хорошая девочка. Умная. За это я тебе еще прочту, — вклинился дяденька.

— Может, не стоит? — робко предложил продавец валенок.

Но дяденьку было уже не остановить.

— Рвите их, убогие,

Рвите, босоногие,

Не придется вам опять

По морозу щеголять

Дырками-заплатками,

Голенькими пятками!

Танго поклонился, схватил чтеца за руку и потряс ее, выражая преклонение перед талантом.

У Танго чуть-чуть денег не хватало. Мне пришлось доплатить за полваленка.

— А на кой черт мы их купили? — спросила я уже на улице.

— Скоро. Сама все увидишь.— На Танго глазели практически все прохожие.

После происшествия в кафе Сурикату и Танго запа-ла в головы случайная идея с валенками. Через три дня они провели акцию зрелищного патриотизма. И в сол-нечный жаркий день прошли по Невскому в вален-ках. Выглядело это дело мощно. Шорты и валенки. Майки и шапки-ушанки. Почти тридцать человек на-бралось. Туристам в этот день было что фотографиро-вать. Мне валенок не досталось. Я просто сопровождала процессию и снимала все на камеру. Сурикат резвился вовсю. Даже вприсядку пытался сбацать. Почти полу-чилось, только один валенок улетел в Фонтанку. Смешнее всего выглядел Вайпер. Ему достался не тот размер обуви. Поэтому он изредка спотыкался и падал. Но его всегда поднимала дружественная рука Танго.

На стене — лист бумаги. Объявление. Написано от руки маркером.

«Ты знаешь она знает а дальше что».

Глава 2

Я не волк. Я — гораздо опаснее. Я — волк, больной на всю голову

Когда это началось? Явно не с того момента, как я на-писала первую книжку. Ее так никто и не увидел. Она бла-гополучно спрятана в памяти компьютера. Глупая наивная книжка в стиле фэнтези. Много страниц, которые мне бы-ло весело писать. Но на мою жизнь она никак не повлияла.

А потом вышла книга про Стасю... И теперь я волк. Быть может, даже опаснее волка. Рыщу в поисках но-вых ситуаций. Загоняя себя в напрочь ненужные исто-рии. Присматриваюсь ко всему вокруг. Пристальнее самого голодного хищника. Продумываю. Просчитываю. Выспрашиваю. Достала всех до смерти.

— Я ни разу не сталкивалась с наркоманами в при-тоне. Мне интересно, как можно превратиться в за-конченного нарика. Мне просто необходимо понять, как оно начинается. Почему?

— Если выяснишь, скажи мне. Я за это Нобелев-скую премию получу,— озлобленно огрызается Танго.

— Поделишься? — примазывается Сурикат.

— А за что премию?

— Ну, если ты поймешь, почему нормальные люди становятся нариками, — премия тебе обеспечена.

Ясненько. Проблема явно не по моим клямкам. Раз никто не нашел универсального рецепта онаркоманивания, мне точно не светит. Я не настолько умная.

— Мне жизненного опыта не хватает!

— Гениально! Если ты захочешь написать про нариков — начнешь ширяться. Про проституток — на панель пойдешь. Про строителей — дом построишь.

— Ага. Примерно так. Но дом мне не осилить. Он тяжелый.

Они ржут. Чего ржут, спрашивается? Я лично ничего смешного не вижу.

— Пиши как раньше. Про то, что происходит. И не лезь куда не следует.

Хорошо, что они не знают, как я придумала про них три сюжета. Просто так. Для тренировки фантазии.

Сюжет первый.

Танго и Сурикат организуют бизнес. Становятся миллионерами. И бегут во власть. После чего Танго становится президентом страны. А Сурикат набирается остроумия у господина Жириновского, и они вместе придумывают новую партию для неформалов. И лет через двадцать у нас президент-эмо.

Картинка — эмо поздравляет народ своей страны с Новым годом. «Приветтики, мои дорогие сограждане. Ой, какой зая (это оператору)... Про что это я? А! С днюхой вас всех. Что я не так сказал? Кому не нравится — идите нах. Придурки гребаные. Все! Больше ничего не скажу. Я обиделся. Уроды!»

Сценарий немного лажовый получился.

Второй сценарий.

Танго оказался тайным геем. Страстно влюбился в Суриката. Но тот отверг его нежные притязания. Тогда Танго побрился налысо и ушел в самый дальний тибетский монастырь. А Сурикат затосковал по другу и принялся его искать. И в конце жизни они встретились. Старенькие. Седые. Тьфу. Все не так — один лысый, другой седой. И полюбили друг друга тихой платонической любовью.

Финальная сцена. Горы. Красивые. До самого горизонта. На ближнем плане — как часть пейзажа, силуэты двух фигур. Одна из которых в длинной фате.

Третий сценарий вышел более правдоподобным. Танго бросает свой универ и поступает в театральный. И становится великим актером. А потом и режиссером. Сурикат учится петь и становится великим певцом. И они, такие все знаменитые, таскаются по всем тусовкам. Влюбляются в самых красивых фотомоделей и женятся. А потом — еще раз двадцать.

Финал — похороны. У могил толпа из брошенных жен и сотни две деток, которые жутко ненавидят умерших папаш.

В этом и есть вся моя волчистость. Я теперь отношусь к людям как к поводу про них написать. Не только к друзьям. Даже к прохожим на улице. Из-за чего у меня «нездоровый» взгляд. Так Кирилл сказал.

— Ты смотришь на людей как киллер, которому забыли выдать портрет жертвы. Сказали: шлепни человека. А какого — не уточнили.

Тогда я плюнула на попытку стать настоящим писателем типа Льва Толстого и послушалась совета Танго. Просто продолжила записывать, что происходит.

Но в одном я уверена точно — никогда больше не стану убивать героя. Который списан с меня самой. Мне одного раза хватило. Ощущения? Кому не лень — попробуйте искренне вообразить собственную смерть. Только не говорите, что я вас не предупреждала. Последствия еще те. Подавленность вперемешку с пришибленностью. Истерики. Ночные кошмары. Бессонница. Сердце трепыхается и пропускает удары. Так что пробуйте. Говорят — это отличный опыт. Расширяет сознание, и все такое.

На стене объявление. Написано от руки маркером. «Осторожно дети легко ломаются».

Я в изумлении. Я в восторге. Я мечтаю узнать, кто это делает. Он — гений. Или — она? Тайна.

Глава 3

Папа Суриката — это нечто!

— Закон гласит: «Что бы с вами ни случилось, все это уже случилось с кем-то из ваших знакомых, только было еще хуже», — доверительным басом сообщил мне огромный дядька, открывая дверь.

Задрав голову, я зашла в квартиру. Рассмотрела татуированную мускулистую руку. Снова захотела сделать себе тату. Майка на дядьке офигительная. На мне бы она как платье смотрелась. Правда, черные платья с волками пока не в моде.

— Ты про закон все поняла?

— Ага, — на всякий случай согласилась я и уставилась на дядькино лицо.

Борода у него потрясная. Если бы я родилась таким огромным дядькой, я тоже бы такую отрастила. И еще у него длинные волосы. И маленькая жена. И еще — они постоянно шутят. Не совсем понятно, но им весело.

— Если просекла насчет закона — ты поймешь. Я всем говорю, у меня сын — помесь панка и эмо. А мне в ответ рассказывают про своих спиногрызов. У кого бухарик, ко-

му нарик достался. Кто вообще в тюряге сидит. Есть даже пара начинающих, блин, менеджеров. У одного сын мобильниками торгует. Получается, закон прав, и мне надо радоваться.

— У вас отличный сын, — до меня допер смысл закона.

— Хорошая девочка. Наш человек! — громко обрадовался папа и поцеловал мне руку.

Наверное, для устрашения. Моя рука в его лапе выглядела как килька в ковше экскаватора.

— Последняя проверка на вшивость. Ответь мне, почему моего ребенка называют именем вытянутого зверя с задраным хвостом?

Пришла пора подумать. Прежде чем говорить. Прозвища нам дают либо те, кто нас ненавидит, либо те, кто любит. Остальным мы по барабану. Они и имени нашего не запомнят. Скажут: «А, это тот, кто год назад ходил в кошмарной куртке с рынка». Или еще хуже: «Та, у которой на физре выпала прокладка». Уж лучше обзавестись прозвищем. Выданным теми, кто нас любит. Те, кто ненавидит, исхитряются подобрать липкое обидное слово. Типа «шибздик» или «жиртрест». Они изобретательны и умеют творчески осмыслить ваши недостатки. У нас в классе был мальчик, которого звали «говноедом», за запах изо рта. А его друга — «пончик», он же «пönyче». Где-то на стене школы до сих пор выцарапано это слово. Кличка, произведенная от фамилии, — просто графский титул по сравнению с обзывательством, утвержденным в новое имя.

— Вы хотите знать правду? Тогда я вам честно скажу. Среди сурикатов всегда один работает сигнальщиком. Он всегда забирается на самое высокое место и следит за опасностью.

— Типа на стреме стоит? — догадался пронизательный папа.

— Типа того. Но дело не в этом. Мы как-то смотрели фильм про этих самых зверей. И ваш сын так классно повторял повадки сурикатов, что...

— Теперь понятно. Дальше можешь не продолжать. Отважный. Готовый к атаке. Способный дать отпор. И постоять за других. Приемлемо.

У Суриката есть папа. Мы всегда это подозревали. Он нам долго про него ничего не рассказывал. Просто мы не спрашивали. Папа у Суриката грандиозный. Монументальный папа. Со своеобразным чувством юмора. Спец по зарабатыванию денег, отличный семьянин и при всем при этом самый настоящий падо-наг. Кроме этих достоинств, он еще и байкер. Но не просто громадный дядька на огромном навороченном мотоцикле. Он еще и хранитель всякой старинной мототехники. В которой мы ни в зуб ногой, но как-то по весне заинтересовались. Вынужденно.

— Предлагаю этот День Победы отметить по-особенному, — таинственным голосом предложил Сурикат.

Мы вообще в отношении войны с фашистами заняли активную позицию. Мы жутко радуемся победе. И ветеранов уважаем. Честно.

В этот раз праздник Победы получился запоминающимся. Из-за Суриката. Оказывается, в нем проснулась совесть, и он решил порадовать отца интересом к его увлечению. Ну и нас пристроил. Знали бы вы — куда!

Май у нас теперь часто оказывается теплее июля. Легко одетые и заинтригованные мы приехали в гараж Сурикатова папы. Не гараж — ангар самолетный! А в нем техники — как в хорошем музее.

— Дофигища и больше,— по мнению Танго.

Мотоциклов — штук двадцать. Отреставрированные. Не отреставрированные — в виде ржавого хлама. Но даже хлам выглядел многообещающе.

— И дорого,— согласился Танго.

— Очень дорого,— уточнил Сурикат.— Батя все свободные деньги на эту реставрацию тратит. И не свободные тоже. А еще ему «голдвинг» содержать надо. И это — не считая заморочек с машинами.

Признаюсь, мы малость охренели.

— Теперь понятно, почему у тебя никогда денег нет.

— Да пошел ты! Батя не жадный. Но он считает, что легких денег не бывает. Кормить, поить и прочие потребности — не вопрос. Все есть. Но если прихоть какая — иди и заработай. Хоть у него.

— То-то я смотрю, как ты тут надрываешься!

— Во мне нет тяги к кропотливой работе. Я непоседливый. Да и мать против. Говорит, что тут здоровье угробишь. А мне еще жить и жить...

— Нет чтоб признать — ленивый!

Сурикат на Вайпера обижаться не стал. Вместо этого он провел для нас ознакомительную экскурсию по папиному музею. Начал с мотоциклов.

— «Красный октябрь», «Иж-1», «Иж-2», «Урал», армейские — М-72, ТИЗ, BSA, «Харлей», всякие «БМВ»...

Я быстро перестала запоминать названия моделей. Да и какая разница, как они называются. А вот Танго и Вайпер уткнулись в какой-то военный мот и азартно горели глазами. Кирилл застрял у громадного современного мотоцикла, прикидывая, как можно удержать такую штуку между ног. А Танго благоговейно разглядывал всякие шильдочки и мучил

Сурикатова папу вопросами про какие-то карбюраторы.

— Цигель-цигель, ай-лю-лю! — спохватился папа, показывая на часы.

Учитывая его габариты, я не удивилась бы будильнику на ремешке. Каково же было мое изумление, когда на руке оказался хронометр действительно размером почти с бабушкин будильник. Наверное, это круто. Необычно — вне всяких сомнений. И наверняка не дешево. Моя рука смотрелась бы в таких часиках как прутик с гантелей.

— Консервная банка. Калининского завода.— Я не поняла, про что он говорит, но сделала восторженное лицо.

Кроме нас там были серьезные дядьки, одетые в военную форму. Которых больше волновало, доедет техника или, тьфу-тьфу, не дай боже что сломается.

На Невский пяточок мы вчетвером ехали на ГАЗ-67. Двое на мотоцикле М-72. И еще один громадный кекс в сержантской военной форме на «Виллисе». Папа Суриката был одет полковником. Никаких амбиций. Я бы генералом нарядилась.

Кириллу доверили ехать в коляске мотоцикла. На котором был закреплен пулемет Дегтярева. Чтоб я понимала смысл этого названия. Но пулемет был большой и сразу понравился Кириллу.

Все вместе смотрелось — зашибись. Как выразился Вайпер. Ему тоже хотелось мчаться на мотоцикле. Но никто не предложил.

Со стороны мы выглядели как маленькая мотоколонна. При виде которой бескорыстно радовались даже гибэдэдэшники. Они отдали нам честь. Фиг знает, что мы теперь будем с ней делать.

Празднично веселые пешеходы махали нам руками. А обычные машины сигналили, сбавляя скорость. Пассажиры высовывались в окна и норовили сфоткать на мобильники.

Наверняка даже президентскому кортежу не достается столько внимания. Скоро я устала улыбаться в ответ.

Когда доехали, выяснилось, что у нас вся морда в тосоле. В смысле — не у нас, а у этого шестьдесят седьмого чуда техники.

— Помпа накрылась,— мрачно сообщил Сурикатов папа и принялся ветошью отирать мерзость с машины.

А нас тем временем оттерли от машины. К которой ринулись восторженные зрители. Они облепили ее со всех сторон и активно лезли внутрь. Чтоб сфотографироваться. Сурикатов папа им этот абордаж позволил. Я бы ни в жисть не разрешила! Натопчут своими немывыми ногами, а потом отмывай!

Приведя машинную морду в относительный порядок, Сурикатов папа снял пулемет с мотоцикла. Чему я страшно обрадовалась. Потому что Кирилл из-за этого орудия от мота не отходил. Все боялся, что оружие сопрут или отвинтят какую-нибудь деталь. Теперь мы смогли пройтись и посмотреть на остальные машины. Кроме наших было стадо из двадцать первых разноцветных «Волг». Был золотой «Хорьх», «Запорожцы», «Победы», ЗИМы, грузовик ЗИС, ГАЗ-69, он же «козел», «Москвичи», «кадиллак», «БМВ», «мерседес» и маленький «Остин». Все допотопные и красивые.

Отсняв все машины, мы бросились фотографировать танки, на которых гроздьями резвились дети и Сурикат. А потом вернулись к своим. Сурикатов папа воз-

вышался над толпой с пулеметом на плече. Естественно, заполучить снимок с оружием хотелось всем. К моему удивлению, он спокойно разрешил народу пофоткаться. Вот умора. Первым оказался конкретный ботаник. Он схватил пулемет, не предполагая его истинного веса. И присел от тяжести. А его милая жена уже прицелилась снимать. Понимая весь ужас своего положения, ботаник из последних сил выпрямил ноги и попытался изобразить мужественную позу. Получилось не очень убедительно.

С пулеметом хотели сфотографироваться в основном те, кто явно в армии не был.

— Смешно,— согласился со мной Кирилл.

Последними снимались два забавных парня. Для которых пулемет не показался тяжестью. Все просто угорали, глядя на их выкрутасы.

Когда мы огляделись по сторонам, выяснилось, что почти все машины разъехались.

— Отмечать поехали. У Никитоса сегодня день рождения. Это хозяин «Хорька»,— уточнил Сурикатов папа.

— А твой мотоцикл сегодня самый востребованный. В смысле фоток,— ревнивым голосом заметил какой-то дядя.

Он тоже приехал на шестьдесят седьмом, но скверно отреставрированном. Из-за чего его критиковали знатоки военных машин. А таких тут оказалось довольно много.

— Есть такое дело. Но техники становится все меньше и меньше. Помнишь, года три назад сколько машин в колонне было?

— Дык тогда по Невскому ехать разрешали.

— М-да, организация так себе.

— Не только в этом дело. Многие не могут приехать из-за страховки. Ради одного раза платить мало интереса.

— Глупость какая, — вмешался Кирилл. — За границей всех владельцев ретротехники уважают на государственном уровне. Праздники всякие с их участием устраивают. Техника такого возраста — она как национальное достояние.

— А у нас плевать они хотели. Откуда у старого деда деньги лишние? Вот и перестали ездить.

— Жаль.

У нас с собой были цветы. И много водки. И закуски. Папа Суриката был уверен, что на празднике окажется куча ветеранов. Которым он будет наливать по сто боевых грамм. То есть угощать и общаться с достойными людьми. На деле мы с трудом отыскали одного смущенного старенького дедушку. С медалями. Непьющего.

— Куда же их всех повезли? — Папа скорбно озираясь по сторонам.

— На кладбище, — спокойно ответил ветеран. — Скоро тут вместо живых ветеранов будете вы и ваша техника. Она тоже воевала. Так что все справедливо.

Взял цветы и был уведен родственниками в неизвестном направлении.

Большой друг Сурикатова папы затосковал. Раз угощать некого, выкушал пару бутылок водки. От чего озверел. Почувствовал себя великим воином. И резвился с пулеметом. Размахивая им так, что люди еле уворачивались. Отобрать оружие сразу не удалось. Друг огромный и явно агрессивный. Положив пулемет на могучее плечо, дядя позировал самым отважным

фотографам. Пугая всех могучей шеей с тремя внушительными складками. Потом притомился. Забрался в машину и там задремал.

— Сваливаем по-быстрому.

Обратно мы ехали с черепашьей скоростью в плотном потоке машин. Все возвращались с дач. И сигналили в нашу честь на разные голоса. На посту ГИБДД нас все-таки тормознули. Оказалось, мы ничего не нарушили. Просто ребятам захотелось рассмотреть машину и с ней сфотографироваться.

Пьяный дядька проснулся. Вытаращил налитые кровью глаза на людей в форме и заревел как бык. Он пообещал всех построить и уволить. После чего урвать. Высказав пожелания, он снова уснул.

— Это у меня начальник охраны такой. Вообще-то он добрый, — объяснил Сурикатов папа.

Возвращаясь домой, обнаружила еще одно объявление. Явно принадлежащее тому же автору.

«Я права а ты заткнись».

Сильно сказано.

Прошла немного совсем. Еще одно. Но другим почерком.

«Не ищи в попе мозга там говно».

Да пошли они все!